

Жизнь наперекор сценарию

Не стало Зиновия Ефимовича Гердта

Замолчал очень знакомый, очень нужный голос. Голос этот зазвучал прежде, чем появился сам человек. Из-за ширмы, из-за экрана. Бесконечно смешавший в «Необыкновенном концерте» и тронувший целое поколение, когда Гердт озвучивал Тото в фильме «Полицейские и воры».

Потом было явление человека. Для меня, как и для всех, в 60-е годы. Но мне выпало еще и длительное общение с ним на съемках «Золотого тельца».

Затем раскрылась другая, неожиданная ипостась Гердта. Он оказался замечательным певцом. В основном в телеопереттах.

И наконец, возникла поэзия, лирика. Когда во время съемок «Золотого тельца» Гердт лежал с сердцем в ленинградской больнице, я пришел его навестить. Он был остроумен, весел. Главной темой шуток была необходимость бросить курить. Что, кстати, так шуткой и осталось. А всерьез он говорил мне, что не просто получает удовольствие от стихов Пастернака, они стали для него ежедневной потребностью. И тогда же прочитал мне несколько стихотворений. После чего я надолго задержался с исполнением лирики на сцене, поскольку Гердт продемонстрировал мне эталон, которому я не мог соответствовать.

Возникший в последние годы

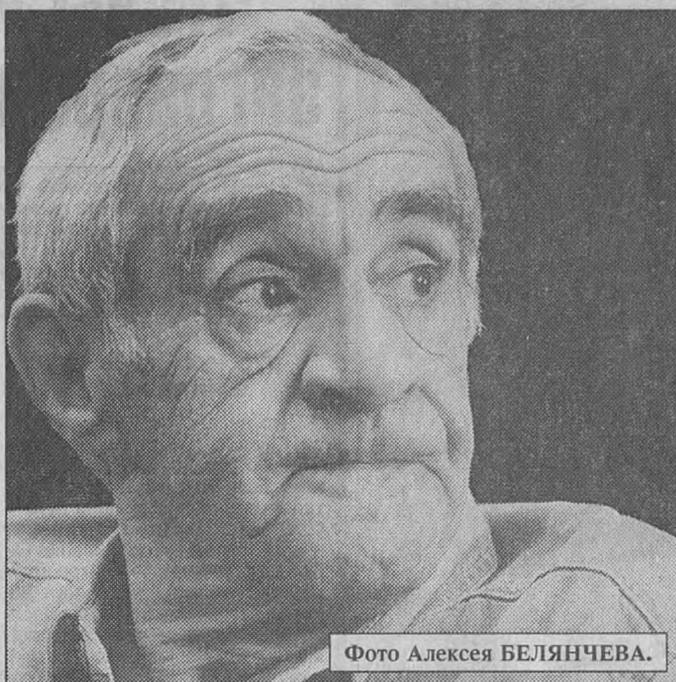

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

«Чай-клуб» стал попыткой про-длить интимную лирику человечес-кого общения в сверхпубличной телевизионной обстановке. И опять — поиск какого-то нового жанра. Может быть, мы с кино-оператором Михаилом Аранови-чем были одними из последних гостей «Чай-клуба». Встреча была нелегкой, потому что присут-ствовал четвертый персонаж — боль. Которую Гердт мужествен-но преодолевал.

2 октября на своем юбилей-ном вечере в Молодежном теат-

ре он вышел на сцену и прочитал длинное и замечательное стихо-творение Давида Самойлова. На-рушив сценарий, придуманный в максимально шадящем для юби-ляра режиме. Но великие вещи всегда творятся с некоторым на-рушением сценария.

Он поставил фантастическую точку, все понимая, попрощался с нами. И с этим прекрасным воспоминанием мы сегодня про-щаемся с ним.

Сергей ЮРСКИЙ.

Зиновий Гердт: Очень боюсь за остающихся близких

Журналист Валерий Перевозчиков предложил Зиновию Ефимовичу ответить на вопросы «Анкеты самопризнаний в семье Достоевских». Интервью публикуется впервые

— Зиновий Ефимович, есть ли у вас любимое изречение, афоризм?

— Да, есть... «Все проходит. Постоянны только перемены».

— Верите ли вы в судьбу?

— Сказать, что я абсолютно верю — выглядит как-то глупо... А сказать «не верю» — страшно. Потому я сейчас перечитываю «Мастера и Маргариту». Вот скажу — «не верю», а из стены вдруг выйдет Азазелло...

— Что вы цените в людях?

— В людях я ценю простоту. Естественность и натуральность. Потому что своя ненатуральность осточертела.

— А что не любите?

— Не натуральность. Не есте-ственность.

— Ваше любимое занятие?

— Третье... Третье с единомышленниками.

— Что вы цените в мужчинах?

— Слабость.

— Ну а в женщинах?

— Еще большую слабость. Поймите, слабый сделает меньше зла...

— Ваше отношение к браку?

— Смирненное.

— Что такое счастье?

— Не знаю. По-моему, я никогда не встречал эту даму...

— Вы никогда не были счастливы?

— Видимо, бывал, но это были какие-то мелькнувшие мгновения...

— Счастье дается лишь в вос-поминании?

— Возможно, и так...

— А что такое несчастье?

— Это человеческая жизнь.

— Вы считаете, что человече-ская жизнь — это наказание?

— Конечно! Потому что все время ищешь и не находишь смысла существования...

— Есть ли у вас цель жизни?

— Не напакоstitь.

— Как говорила Фаина Геор-гиевна Раневская: «Не плывите в вечность!»

— Вот именно.

— В какой исторической эпо-хе вы хотели бы жить?

— В следующей. Ну хотя бы лет через пятьдесят.

— А как вы оцениваете наше время?

— Коля Глазков — был такой замечательный поэт — он уже про это сказал:

Я на мир взираю
из-под столика,
Век двадцатый,
век необычайный!

Чем он интересней
для историка,
Тем для современника
печальней.

— Вы бы воспользовались возможностью чем-то одним об-лагодетельствовать человечест-во?

— На весь свет, голосом Гос-пода Бога, я бы сказал: «ЛЮДИ, ОБРАЗУМЬТЕСЬ!» На наших гла-зах происходят такие неразум-ные вещи... Люди в большинстве своем ведут себя не просто не-разумно — несправедливо. Власть предержавшая пытается играть на самых низменных чувствах тол-пы. А это самое простое и самое страшное — и в жизни, и в поли-тике.

— Что бы вы хотели в себе изменить?

— Наверное, все.

— Главная черта вашего ха-рактера?

— Симулирую благополучие!

— Кем бы вы хотели стать, если бы не стали Гердтом?

— Учителем русского языка и литературы. (Долгая пауза). И обязательно в детском доме.

— То, что вы сделали в кино и в театре, — останется?

— Вряд ли... Мелко, слишком мелко...

— Ваше отношение к смерти?

— Боюсь... Очень боюсь за остающихся близких...

— Какой смертью вы хотели бы умереть?

— Хорошо бы, как эти мальчи-ки в августе 91-го.

— Ваш любимый литератур-ный герой?

— Пожалуй, Пьер Безухов.

— То, что вы сделали в кино и в театре, — останется?

— Вряд ли... Мелко, слишком мелко...

— Ваше отношение к смерти?

— Боюсь... Очень боюсь за остающихся близких...

— Какой смертью вы хотели бы умереть?

— Хорошо бы, как эти мальчи-ки в августе 91-го.

— Ваш любимый литератур-ный герой?

— Пожалуй, Пьер Безухов.

— Человек, оказавший на вас наибольшее влияние?

— Александр Трифонович Твардовский.

— Личным общением?

— Да.

— Ваше любимое воспомина-ние?

— Детство. Все детство.

— Вы верите в любовь с пер-вого взгляда?

— А разве бывает другая?!

— С вами случались чудеса?

— Все время.

— Самое последнее?

— То, что я сижу и с вами разговариваю, — это тоже чудо. Потому что вчера, когда я ложил-ся спать, я не был убежден, что наш разговор состоится... Но мы разговариваем — разве это не чудо?

— Круг вашего общения?

— Очень узкий. В основном ученые и литераторы.

— Какие вещи вы не прощае-те даже друзьям?

— Я не прощаю веролом-ство.

— Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

— Все мое отношение к себе — это сплошные вопросы. Каж-дую секунду — какие-то вопро-сы... А одного вопроса не суще-ствует.